

Японский петушок

Из жизни знаменитостей

*Олег
Минкевич*

Олег Минкевич

**Японский петушок.
Из жизни знаменитостей**

«Издательские решения»

Минкевич О.

Японский петушок. Из жизни знаменитостей / О. Минкевич —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905971-0

Страшная месь Микеланджело. Искушение Андерсена. Кто сочинял музыку за Шуберта? Чертовщина в усадьбе Чехова. Как пуговица спасла гения — об этом и многом другом вы узнаете в «Японском петушке».

ISBN 978-5-44-905971-0

© Минкевич О.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Японский петушок	7
Симулянт	9
Любовь и паровозы	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Японский петушок Из жизни знаменитостей

Олег Минкевич

© Олег Минкевич, 2019

ISBN 978-5-4490-5971-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Казалось бы, нет ничего проще пересказа старых историй, о которых уже прилично наговорено. Тем не менее, взявшись за создание рассказов, вошедших в этот сборник, рассказов, в основу которых легли действительные случаи из жизни исторических личностей, я испытал затруднения. Скажу сразу: затруднения приятные. Да, такое бывает. Переборка знакомого материала, знакомство с новым, сопоставление того и другого, вопрос биографических противоречий – всё это принесло мне бессонницу, заставило крепко задуматься, отвлекло от мирских забот и отхватило от отведённого свыше времени непозволительно крупные доли, но доставило истинное исследовательское удовольствие, знакомое всякому человеку, добровольно, с увлечением взявшемуся за дело. Ради удовольствия, как известно, можно многое вытерпеть и многим поступиться.

Каждое художественное произведение, повествующее о реальном (историческом), не лишено авторских интерпретаций и дополнений. Не лишены этого и рассказы «Японского петушка», чья художественность, надеюсь, не искажает минувших времён и образов тех выдающихся людей, которым посвящена эта книга.

В добрый час, читатель!

Японский петушок

Москва. 1896 год. Пасмурно, морозит, кружится снег. Купеческий град шумит и суетится. Пронесаются позвякивающие конки, поскрипывают экипажи. С азиатской бойкостью рас­торговываются ярмарки и уличные лавки. Из балаганов то и дело раздаются тирады и окрики Петрушки и игривые завывания потешного гудка. Бдительные городовые, хрипя и поёживаясь, настороженно поводят старательными носами, выискивая безбожников, вольнодумных студен­тов и неутомимых цареворцев.

Недалеко от Новинского бульвара, не дивясь привычной московской пестроте, одетый по-зимнему, по-простому, разруганный, густобровый, с длинной, чуть льдистой бородою, неспешно идёт старик, с виду простой, кондовый крестьянин, на деле – даровитый барин, воз­мутитель пугливых правительственных чинов и непревзойдённый светоч русской литературы – Лев Николаевич Толстой.

Лев Николаевич всегда любил пешие прогулки. Отправляясь в поход, часто в компа­нии, граф выбирал самую короткую дорогу, которая почему-то оказывалась наиболее запутан­ной и протяжённой. Нередко ходоки, возглавляемые бородатым мыслителем, подолгу плутали по чащобам и оврагам, ища просвета и следов цивилизации.

Раз уж зашла тема о дорогах и дорогах, осмелюсь высказать теорию о «непредвиденном бегстве» Льва Николаевича из собственного дома. Мне думается, никакого бегства и не было: Лев Николаевич просто совершал обыкновенный моцион, и дорога, которую он избрал для прогулки, увела его далеко за пределы Ясной Поляны... весьма далеко.

В тот снежный, морозный день, когда Толстой прогуливался вблизи Новинского буль­вара, ему повстречался его новый знакомый, молодой пианист, выпускник Московской кон­серватории Александр Борисович Гольденвейзер.

– Александр Борисович, – окрикнул музыканта Толстой. Гольденвейзер приветливо улыбнулся и поспешил к графу «на поклон».

– Добрый день, Лев Николаевич!

– Здравствуйте, Александр Борисович! Я вижу: вы легки на ногу. Торопитесь?

– Нет, Лев Николаевич. Привычку взял.

– Не хотите ли прогуляться на пару?

– С удовольствием.

– Из деликатности говорите. Обидеть не хотите? – Толстой посмотрел с хитрецей.

– Ну что вы, Лев Николаевич, – возразил Гольденвейзер. – С вами – хоть до Камчатки.

– До Камчатки не обещаю, но до Никитского дойдём.

И они пошли.

– Александр Борисович, – обратился Толстой, – мне помнится, когда мы с вами виделись, вы сказали мне, что больше прочей любите музыку Бетховена. Верно?

– Да, верно. А вам это кажется удивительным?

– Мне, Александр Борисович, претит, что ныне всякий, у кого ни спроси о композиторах, спешит тебе «Бетховен» сказать, даже если в душе совсем другое держит. А почему, вы дума­ете? Потому что поветрие такое, моду завели. Скажешь: «Бетховен», и вроде умным со сто­роны кажешься, на тебя с интересом заглядываются, шепчутся за спиной, мол, человек с голо­вой, хоть в Сократы записывай, да и сам свою дурь за мудрость признаёшь. И всё оттого, что Бетховена на олимпы искусства поставляешь. – Лев Николаевич презрительно махнул рукой. – Я вам, Александр Борисович, честно скажу: не люблю я Бетховена, скучен он, однообразен... А самолюбия сколько. Слушаешь его и думаешь: гордыня в человеке, гордыня...

Гольденвейзер, очень любивший музыку Бетховена, безоружно пожал плечами. Спорить с графом было делом непростым. Если уж Лев Николаевич находил для себя точку зрения,

столкнуть его с неё стоило оппоненту значительных усилий. Однако, будучи человеком весьма противоречивым, Толстой и без посторонней помощи менял своё отношение к самозабвенно отстаиваемым вопросам. Так, отругав с утра «скучную» и «однообразную» музыку Бетховена, Лев Николаевич уже вечером под звуки бетховенских сонат и багателей утирал бородой счастливые слёзы. «Какая чудесная музыка!» – говорил он вполголоса, блаженно откинувшись в кресле.

Говорят, что такие противоречия были следствием физического нездоровья писателя, а именно кишечных колик. Возможно, именно из-за сильных телесных неудовольствий Лев Николаевич отказался от авторских прав на свои произведения, вступил в схватку с матёрой медведицей, а также загубил Болконского и Каренину. Страшно представить, что пути развития искусства и судьба монументальных творений могут зависеть от колитов, язв и несварений.

После короткой отповеди, адресованной неразумным «бетховенианцам», Лев Николаевич снова обратился к Гольденвейзеру:

– Александр Борисович, не хотите ли проехаться?

– Пожалуй.

Они подождали конку, сели, взяли билеты.

– Вы умеете делать японского петушка? – заняв место в конке, спросил Толстой.

– Петушка? – улыбнулся Гольденвейзер. – Нет.

– Смотрите, я вас сейчас научу.

Лев Николаевич довольно быстро и умеючи смастерил из своего билета маленькую бумажную птичку мудрёного сложения. В это время конка остановилась и в вагон вошёл контролёр.

– Ваш билет, – сухо проговорил он, взглянув на Толстого. Толстой вытянул руку с петушком, весело улыбнулся и потянул петушка за хвост – бумажная птаха живо замахала крыльшками. Гольденвейзер засмеялся. Не было смешно только контролёру, который, приняв из толстовских рук диковинное изделие, с недовольством привёл билет в прежний вид, внимательно оглядел его и надорвал.

– Вот так, Александр Борисович, – с неестественной грустью промолвил Толстой, – взяли да и испортили нашего петушка.

История помнит много непоправимостей. Будьте бдительны, друзья! В монотонном быту, среди серых дворовых наседок и гогочущих гусей, умейте вовремя отличить и уберечь хрупкого японского петушка.

Симулянт

Московский генерал-полицмейстер с мрачным видом прошёлся по кабинету, недовольно крикнул, задумался, подыскивая слова, обвёл взглядом болтавшийся на его груди орден и, кашлянув в кулак, вполголоса проговорил:

– И всё-таки я вам настоятельно не рекомендую посещать этого человека.

– Но почему? – спросил доктор.

– Понимаете... – Генерал ещё раз кашлянул и замялся. – Граф уже продолжительное время ведёт себя странно, если не сказать – возмутительно. Он публикует немислимые вещи, пишет такое, знаете... словом, всякий вздор... и оказывает дурное влияние на общество, которое и без его, так сказать, услуг полно всякой ереси. Скажу вам прямо: государь обеспокоен. Толстой – фигура заметная, известный писатель всё-таки. Чего скрывать, я и сам некогда его почитывал, было время... Но сейчас... как это сказать?.. Граф того... – Генерал замахал рукой в воздухе. – Словом, с головой у него не всё в порядке. Поэтому я вам настоятельно рекомендую воздержаться и не посещать этого человека¹.

– Если вы беспокоитесь о моей безопасности, я вам очень признателен, – мягко вымолвил доктор. – Но должен вам сказать, во-первых: я уже договорился с графом, что обязательно навещу его в Ясной Поляне. Мне бы не хотелось нарушать данного слова, это будет невежливо. А во-вторых: если уж дело обстоит так скверно, как вы меня уверяете, и Лев Николаевич действительно находится во власти какого-то опасного недуга, возможно, я сумею оказать ему посильную помощь, ведь я всё-таки психиатр.

Мрачность спала с лица генерала, он улыбнулся.

– Сделайте милость, господин Ломброзо, – воскликнул он, обеими руками потрясая руку доктора. – Вы многих обяжете, если сможете образумить этого старика.

Летом 1897 года знаменитый итальянский психиатр Чезаре Ломброзо приехал в Москву на двенадцатый Международный съезд врачей, прошедший в стенах Большого театра. Гость выступил с докладом, с интересом выслушал многословных коллег, вкусил все прелести русского гостеприимства и остался доволен. По окончании съезда Ломброзо отправился в Ясную Поляну к Льву Николаевичу Толстому, отправился, несмотря на все усилия красноречивых чиновников его удержать. Итальянский доктор, почитавший Толстого гением и веривший в соотношение между безумством и гениальностью, перебирал в пути все мыслимые психические недуги, ожидая увидеть в яснополянском старике человека с явными отклонениями ума. Рассказни императорских клеветов, безусловно, подогревали его любопытство.

Тёплым августовским днём профессор Ломброзо переступил порог толстовского дома. За всё время пребывания в Ясной Поляне доктор не обнаружил никаких признаков помешательства в словах и поведении неприятеля хозяина, который напоил гостя чаем, провёл его по окрестностям и устроил с ним соревновательный заплыв в ближайшем водоёме. Ломброзо счёл графа не по летам крепким и подвижным человеком. Лишь две вещи вызвали неприятные чувства в душе доктора: приметная дырка в толстовском ботинке, которую, как показалось Ломброзо, граф выставил напоказ, и невероятное упрямство писателя в споре на тему «непротivления злу насилieм».

Над «непротivлением» Толстого, проистекающим из христианской этики, потешались все кому не лень: и царисты, и либералы, и в особенности революционно настроенные личности, видевшие насилie единственно правильным инструментом, способным принести великие

¹ Говоря о правительстве, Л.Н. сказал: «Удивляюсь, как это они меня до сих пор не посадят куда-нибудь?! Особенно теперь, после статьи о патриотизме. Может быть, они еще не читали? Надо бы им послать». А. Б. Гольденвейзер. «Вблизи Толстого».

государственные перемены. На все доводы оппонентов, крикунов и насмешников у Толстого был один незамедлительный ответ: «Всё это вздор!»

– Ну, Лев Николаевич, – напрягая лёгкие, протестовал Ломброзо, – допустим, на меня напали разбойники, и я знаю точно, что они меня не пощадят. Так что же, имея при себе оружие, я не имею права отстаивать свою жизнь силой? Я просто должен добровольно подставить преступнику горло и сказать «режь»? Нет, нет, нет, скажу я вам. Что бы вы мне ни говорили, а самозащита – действие правомерное. И если преступник будет таким образом наказан, это будет справедливо.

– Справедливо, – нахмутив брови, пробурчал Толстой. – Всё вздор! Преступно всякое наказание, всякое.

Толстой ещё более насупился, Ломброзо, не видя возможности продолжать спор, вздохнул и обессиленно опустил голову.

Доктор прогостил в Ясной Поляне недолго. Несмотря на разногласия, простились тепло. В своём дневнике граф отметил: «Был Ломброзо, ограниченный, наивный старичок». Ломброзо же, вернувшись на родину, опубликовал в прессе свои размышления относительно всемирно известного писателя. Как мы уже знаем, патологических отклонений в поведении Толстого доктор не увидел, однако он не удержался от возможности покритиковать русского старца и сделать, как психиатр, «чисто медицинское» заключение:

«Известный русский писатель и граф Лев Николаевич Толстой симулирует опрошение, демонстрируя дырку на собственном башмаке, которую, несомненно, вырезал умышленно...»²

Симулянт. Чезаре Ломброзо всё же не обошёлся без «диагноза», на то он и психиатр.

Как обстояло дело со злосчастным башмаком в действительности – мне неизвестно. Возможно, всему причиной вековая русская лень, не позволившая Толстым без отлагательств снести рваный башмак в сапожную мастерскую.³

² Парафраз.

³ «...Штиблет новых я на Л.Н. не видал никогда: всегда старые, сношенные, часто заплатанные...» А. Б. Гольденвейзер. «Вблизи Толстого».

Любовь и паровозы

Спотыкаясь, шурясь от солнечного света и тяжело дыша, по пражским улицам в направлении пражского вокзала стремительно бежал молодой человек. Его лицо покрывала испарина, ноги ныли от непрерывного бега, в груди пекло, в голове стучало. «Только бы успеть, – думал он, не сбавляя темпа, – только бы успеть».

Как нарочно, на его пути постоянно возникали препятствия: каверзные рытвины, нерасторопные дамочки, роняющие модные ридикюли, курсирующие конки, шаловливые псы. Невольные проклятия срывались с уст разгорячённого юноши. Казалось, весь город желает лишь одного – задержать его.

«Ты не успеешь, Йозеф Сук», – шептали камни древнего города. «Ты не успеешь», – безжалостно вторили им башенные шпили, бросая под ноги злорадные тени. Нет, он успеет, он непременно успеет, от этого зависит его счастье, его любовь. «Оливия! Оливия!» – повторял он про себя, стараясь не слушать монотонного боя часов на старой ратуше.

Но вот он на вокзале. Ещё не поздно, есть время. Скорый поезд, отправляющийся в Вену, стоит у перрона. Истомлённый, но не сдавшийся, Йозеф подбегает к тендеру,⁴ сцеплённому с паровозом. «Успел! Успел!» – радостно думает юноша, ненасытно глотая воздух. Но он ещё не знает, какой непростительный промах совершил.

– Три, ноль, пять, семь... – заучивает он, глядя на вагонный номер. – Три, ноль, пять, семь, девять...

Паровоз задымил.

– Три, ноль, пять...

Предупредительно прозвучал свисток. Йозеф вздрогнул. Вагоны тяжело качнулись, и распытившийся локомотив потянул состав в сторону Вены.

«Полдела сделано, – ошибочно полагал юноша, отправляясь в обратный путь. – Только бы не забыть».

Музыка, пение птиц, прогулки на природе, отварные кнедлики, железнодорожный транспорт – таковы были главные увлечения чешского композитора Антонина Дворжака. Железнодорожный транспорт в этом перечне занимает особое место.

Уже в детстве рельсы, шпалы, поезда вызвали у Дворжака невероятный интерес. Железнодорожные сообщения для жителей крупных европейских городов были не в новинку, паровозы дымили и в России, и в Америке, но всё же для жителей многочисленных провинций, к каким принадлежал и любознательный сын мясника Дворжак, этот вид транспорта был большой диковинкой.

Подолгу маленький Антонин наблюдал за стараниями рабочих, укладывающих рельсы и шпалы; подолгу с восхищением смотрел вслед уносящемуся паровозу, извергавшему из дымовой трубы тучи прилипчивой черноты. Пыхтящая машина с огненным чревом походила на сродника мифических змеев из старинных, праотцовских сказаний. Это была сказка в действительности.

Возмужав, добившись успехов как музыкант, снискав славу и любовь почитателей, Антонин Дворжак не утратил детской страсти, со временем лишь усилившейся. Дворжак зна-

⁴ Тендер – специальный вагон с топливом, который прицепляется к паровозу.

комился с железнодорожными картами, часто посещал вокзалы, беседовал с машинистами, наблюдал за кочегарами, записывал паровозные номера.

– Послушай, дружок, у меня к тебе важное поручение, – обратился как-то Дворжак к своему молодому ученику Йозефу. – Меньше чем через час с городского вокзала в Вену отправляется скорый поезд. Ты должен сейчас же пойти на вокзал, записать номер паровоза и сообщить его мне. Поторопись.

Йозеф так разволновался, что выскочил из дома, не прихватив ни бумаги, ни карандаша.

Йозеф Сук был учеником послушливым, главным образом потому, что сердце его всецело принадлежало чудесной Оливии, дочери почтенного учителя, который мог бы легко воспрепятствовать единению влюблённых. Йозеф старался не перечить наставнику, быть как можно вежливее и исполнять данные ему поручения и в быту, и в учёбе.

Миссия была проста: явиться на вокзал до отхода поезда, записать (или запомнить) номер паровоза и с полученной информацией вернуться назад. Йозеф прибежал на вокзал вовремя. Но вот незадача! Он перепутал тендер с паровозом!

– Как это возможно?! – недоумённо спрашивал Дворжак, разбиравшийся в номерных тонкостях; он часто пытался и нервно расхаживал по комнате. – Йозеф, ты же интеллигентный человек. Я не понимаю, ну как это возможно?!

Йозеф молчал, скорбно склонив голову, и слушал многословную отповедь недовольного наставника. С каждым сердитым вздохом учителя от светлой, любовной мечты ученика с треском откалывался здоровенный кусок, улетающий в бездну тоски и одиночества.

«Всё пропало, – горестно думал Йозеф, – и всё из-за какого-то паровоза». Ему, живущему среди бемолей и мордентов, и в голову не приходило, что вопросы, связанные с железнодорожным подвижным составом, должны входить в сферу интересов интеллигентного человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.